

УДК 323.1; 327.39

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗРЕШЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

М. Е. Попов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: maximus.popov@gmail.com

Статья посвящена исследованию социокультурной интеграции как инструмента разрешения этнополитических конфликтов идентичностей на Северном Кавказе. Автор рассматривает основные факторы конфликтов идентичностей и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. Среди системных условий эскалации региональных конфликтов идентичностей автор выделяет: кризис гражданской идентичности, традиционализацию, этническую напряженность.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, этнополитические конфликты, социокультурная интеграция, разрешение конфликтов, эскалация конфликта, гражданская идентичность, традиционализация, политизация этничности, этническая напряженность.

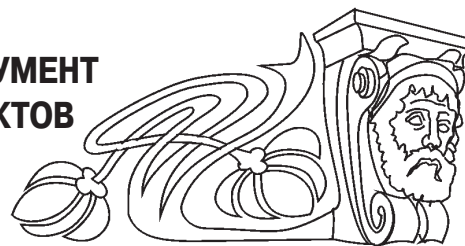
Socio-cultural Integration as a Tool for Resolving Ethno-political Conflicts in the North Caucasus

М. Е. Попов

The paper is concerned with specificity of the socio-cultural integration as a tool for resolving ethno-political identity-based conflicts in the North Caucasus. The author considers the principle factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the systemic conditions of the regional identity-based conflicts escalation, the author calls: civic identity crisis, traditionalization, ethnic tensions.

Key words: identity-based conflicts, ethno-political conflicts, socio-cultural integration, conflict resolution, conflict escalation, civic identity, traditionalization, politicization of ethnicity, ethnic tensions.

Специфика региональных этнополитических конфликтов как вызовов и угроз интеграции российского общества заключается в том, что они протекают на фоне ценностно-мировоззренческого столкновения традиционалистских и постмодернистских проектов национального развития. Понятие ценностно-мировоззренческого столкновения уточняет концепт этнополитического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. По словам И. С. Семеновко, «многомерный конфликт идентичностей – между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм – оказывается сегодня препятствием на пути консолидации

гражданской нации»¹. Региональные конфликты идентичностей необходимо рассматривать в контексте глокальных социокультурных сдвигов, затрагивающих все формы коллективных идентичностей в изменяющейся России. В дезинтегрированном постсоветском обществе посттрадиционные социокультурные трансформации стали метасредой протекания затяжных идентификационных конфликтов.

Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, «полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие»². На теоретическом уровне социокультурная интеграция определяется как процесс поддержания и продвижения ценностей, идентичностей и институтов, который позволяет всем социальным субъектам равноправно и бесконфликтно участвовать в социальной, культурной, экономической и политической жизни на основе согражданства, солидарности, мультикультурности, безопасности, справедливости, равенства в рефлексивном пространстве гражданской нации. Применительно к этнокультурной сфере социокультурная интеграция исключает процесс механической консолидации, основанный на силе ассимиляционного принуждения и подавлении культурных различий в репрессивной попытке навязать унифицированную идентичность.

Социокультурная интеграция как социальный конструкт находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в своем системном единстве формируют общегражданскую идентичность.

1. Признание множественности этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства.

2. Политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств в целях предоставления гарантии того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов.

3. Перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения

диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Данные основания и принципы интеграции в процессе конструирования гражданской макросоциальной идентичности опираются на концептуальные модели справедливости, прав человека, согражданства, социальной инклюзии, равенства возможностей, равноправия, социального капитала, солидарности. Социокультурная интеграция на основе плюрализма гражданской идентификации, секулярных ценностей и правовых норм (Ю. Хабермас) снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности, безопасности, просвещенности, редуцией интерпретаций социальных проблем посредством негативной стереотипизации культурно «других» как «этнических врагов». В современной России и ее наиболее конфликтогенном Северо-Кавказском регионе основная задача социокультурной интеграции – рационализировать этносоциальные противоречия в процессе гражданско-правовой трансформации традиционалистской иерархической системы этнорегиональных отношений.

На макросоциальном уровне социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные, рефлексивно-идентификационные, символические принципы и механизмы, консолидирующие субъектов на основе взаимного ценностного признания и принятия общегражданских норм. Ценностно-нормативным результатом интеграции полиэтнического общества становится солидарное и бесконфликтное взаимодействие этнокультурных сегментов в рамках целостной социально-гражданской системы. В этом аспекте социокультурная интеграция приобретает качества фундаментального структурно-символического принципа и антиконфликтного инструмента поддержания и продвижения макросоциальной солидарности, становится механизмом реализации политики гражданской идентичности. По словам М. К. Горшкова, «требуется целеориентированная государственная политика, направленная на консолидацию народов России, включение потенциала российской идентичности в модернизационные преобразования. Именно отсутствие научно обоснованного и политически значимого проекта, способного консолидировать российское общество как государственную и гражданскую общность, во многом явилось причинами застойных явлений российской идентичности, стимулировало в обществе поиск новой стратегии сохранения и развития идентификационных и консолидирующих оснований»³.

Структурный функционализм актуализирует внимание на нормативно-ценностной характеристике интеграции в процессе социальной консолидации. В рамках конфликтологической парадигмы сущностными характеристиками

социокультурной интеграции являются ее интенция к идентификационной солидарности и способность к трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Этноконфликтологические концепции солидарности и интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта: социокультурная интеграция интерпретируется как способ разрешения этнических противоречий на основе консенсуса и компромисса, как антиконфликтогенный инструмент включения этничности в символическое пространство гражданской идентичности⁴. Исследование динамики региональных конфликтов связано с определением мобилизационной специфики этнополитических идентичностей. На Северном Кавказе политизация этничности как фактор социальной дезинтеграции и напряженности напрямую зависит от остроты коллективного восприятия и переживания угроз «этнополитической безопасности». Формирующиеся в пространстве этноклановых иерархий групповые идентичности становятся источником реактивной конфликтной мобилизации: в ситуации непрекращающейся политизации этничности государственная интенция конструирования общегражданской идентичности редуцируется к многочисленным конфликтогенным проектам неортрационализма.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие этнополитических установок к насилию состоит в том, чтобы сконцентрировать социально-агрессивный потенциал в точке культурной непримиримости. Величина этнополитического насилия в конфликтах идентичностей детерминирована интенсивностью социальной неудовлетворенности и масштабами институциональной поддержки, являющимися условиями открытого противостояния.

В качестве макросоциальных факторов, определяющих специфику и остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию региональных конфликтов идентичностей, выступают масштабная социокультурная фрагментация и экономическая поляризация: регионализация, изоляционизм, этноклановость, непотизм; коррупция в этих условиях приобретает выраженный конфликтогенный характер. В исследовании В. А. Авксентьева и М. М. Шульги, посвященном анализу перспектив развития этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае, отмечается, что «межнациональные и межконфессиональные отношения в крае можно охарактеризовать как стабильно напряженные. Вместе с тем ни те, ни другие не рассматриваются как наиболее острые проблемы и занимают соответственно 11-е и 15-е места из 16-ти предложенных в рейтинге актуальности соци-

альных проблем. Этот результат оказался несколько неожиданным, с учетом того, какое место этнонациональная проблематика занимает в общественно-политическом дискурсе в регионе. Наиболее актуальными, по мнению респондентов, являются проблемы, общие для всей страны: коррупция, взяточничество (48,5%), рост цен, налогов, инфляция (46,5%), безработица (38,6%), рост преступности (34,9%); жилищная проблема и проблемы коммунального обслуживания (32,8%). Хотя респонденты оценили вероятность возникновения межнациональных конфликтов как среднюю, в условиях стабильной напряженности любой конфликт, независимо от его истинных причин, может быстро превратиться в межэтнический. Для таких обстоятельств характерно восприятие действий другой национальности как потенциальной угрозы для безопасности своей национальности. Сложившаяся ситуация создает благоприятные условия для этноконфликтной мобилизации – быстрого объединения людей по национальному признаку для участия в конфликтных действиях. Высокая напряженность в межэтнических отношениях – основная причина постоянно вспыхивающих на территории края локальных конфликтов с межэтническим компонентом»⁵.

В рамках конфликтной модели общества конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты, источником которых являются восприятие и стереотипизация угроз групповой безопасности, порождаемые ценностными противоречиями в результате трансформаций идентичностей. Конфликты идентичностей являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов и модернизационных вызовов «текущей современности»: стирание культурных различий и сближение групповых идентичностей выступают неисчерпаемым источником как интеграций, так и антагонизмов. Социокультурные трансформации изменяют примордиалистскую иерархию коллективных идентичностей в оппозиции «свой – чужой» посредством универсализации общегражданских секулярных ценностей: качественные изменения в структуре групповых идентичностей становятся факторами мощного традиционалистского сопротивления.

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е гг. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, автор в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, субъективность и неуправляемость⁶. Мотивы участия

этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность нести жертвы ради идеалов (идентичностей) осознается или вербализуется их участниками. Эскалация этнической конфликтности происходит в том случае, когда этнокультурная группа склонна воспринимать себя как жертву ценностных притязаний со стороны «чужих» культурных групп.

С момента своего возникновения парадигма «конфликтного разрешения» исходит из постулата, что манифестация конфликта не обязательно указывает на его истинную сущность. Подход разрешения конфликтов требует избегать поверхностного анализа открытых антагонистических притязаний, которые являются вершиной айсберга конфликта, и сосредоточиться на его скрытом, глубинном слое. Анализ скрытого смысла конфликтного взаимодействия занимает центральное место в современной теории конфликта в рамках поиска конструктивных методов трансформации, урегулирования, управления и разрешения конфликтов. Не актуализируя проблему, определяется ли этот скрытый слой конфликта экономическими интересами или биологическими потребностями, все школы разрешения конфликтов настаивают на том, что работа с глубинным уровнем конфликта, которым является идентичность, становится более плодотворной и конструктивной при анализе основного противоречия, его породившего⁷.

По мнению Дж. Ротмана, традиционный рецепт, рекомендуемый отделять идентичность от скрытого противоречия и конкретной конфликтной проблемы, является одним из распространенных примеров конфликтологического анализа, способного усугубить, но не разрешить противоречие. Когда конфликт касается ресурсов или осознанных, рационализированных целей, которые четко определены, этот традиционный подход может быть полезным ориентиром в процессе конфликтного разрешения. Однако когда в социокультурные конфликты втягиваются глубинные субъективно-эмоциональные проблемы, такие как поддержание групповой солидарности и безопасность макросоциальной идентичности, отделять идентичность от конфликтной проблемы не представляется возможным, потому что коллективные идентичности участников конфликта находятся под угрозой (по крайней мере, стороны конфликтов идентичностей так интерпретируют их генезис и основное противоречие). В разрешении конфликтов идентичностей нецелесообразно использовать методы управления с помощью структурного разделения различных компонентов конфликта: попытка отделить эмо-

ции и идентичности от сущности противоречия может только усугубить конфликт, придать формам его манифестации деструктивный характер.

В теории международных конфликтов Дж. Бертона предлагается учитывать базовые человеческие потребности, которые отличаются от интересов и включают в себя необходимость в групповой безопасности и признании уникальной идентичности, и использовать их в антиконфликтном менеджменте в процессе разрешения конфликтов идентичностей. Основной целью их разрешения должно быть устранение морально-психологических угроз, напряженности и разочарований в базовых потребностях, а не только удовлетворение материальных интересов⁸.

«Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин и динамики конфликтов идентичностей, – отмечает Дж. Ротман, – мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам их разрешения. Мы рассматриваем идентичности как самовосприятия, наполненные культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях. В конфликтах идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником конфликтного восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве персональных “максимайзеров”, защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных социокультурных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Все эти восприятия генерируются культурной формулой, или идентичностью. Идентичность становится идеологической базой участника конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами»⁹.

Региональный анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, обусловленных факторами социальной фрагментации и дезинтеграции, низким уровнем жизни и неудовлетворенностью в базовых потребностях равенства, справедливости, безопасности. В. А. Авксентьев и М. М. Шульга отмечают, что «причинами межконфессиональной напряженности по результатам группировки ответов являются: безработица, низкий уровень жизни, низкие зарплаты; низкий уровень культуры и образования населения; ошибки национальной политики; низкий уровень толерантно-

сти; борьба за земли, за территорию; раздувание конфликтов в СМИ; пропаганда превосходства одних религий над другими, радикализация религии; неконтролируемая миграция, ошибки в миграционной политике»¹⁰.

Конфликтность идентичностей обусловлена стереотипизацией образа «чужих» в процессе «политизации чувств» как основания конструирования этнокультурных «границ». По словам М. В. Данилова, «политизация чувств – одна из абстрактных моделей политизации общества..., при которой происходит интровертная актуализация политического в сознании людей при отсутствии институциональных возможностей трансформировать политические потенции в реальные действия. Главную роль в этом процессе играет рост радикальности повестки дня, связанный с наличием альтернативных власти центров ее формирования. Эти центры могут находиться внутри национальных политических систем и опираться, например, на церковь, университеты, этнические сообщества, но могут располагаться и за пределами суверенных государств»¹¹. Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к интеграции и диалогу; однако когда модернизационная универсализация воспринимается общностью как угроза «этнокультурной безопасности», возникают трудноразрешимые конфликты идентичностей.

Незавершенные посттрадиционные трансформации служат системными факторами эскалации конфликтов идентичностей, угрожающих социальной безопасности России, выбравшей более 20 лет назад демократический вектор развития. Политические детерминанты региональных конфликтов – кризис гражданского общества и политизация этничности – остаются основными причинами деструктивного воздействия на социокультурную интеграцию северокавказского социума. Модернизационные и интеграционные процессы на Северном Кавказе фрагментарны и асинхронны, что усиливает региональный традиционализм и формирует конфликтные идентичности. В этих условиях социокультурная интеграция становится единственным источником социального консенсуса и компромисса в процессе разрешения конфликтов идентичностей. В полиэтничном обществе, когда в конфликты идентичностей вовлекаются этнокультурные различия, стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах культуры мира как мировоззренческом фундаменте российской гражданской нации.

Исследование выполнено в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», грант Президента МД-7429.2015.6.

Примечания

- 1 Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 12 / под ред. М. К. Горшкова. М. : Новый хронограф, 2013. С. 114.
 - 2 Fearon J., Laitin D. Explaining Interethnic Cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90, № 4. P. 715.
 - 3 Россия реформирующаяся. Вып. 12. С. 20.
 - 4 См.: Вилков А. А. Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9 / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 9–20.
 - 5 Авксентьев В. А., Шульга М. М. Ставрополье много-
- национальное : оплот стабильности или перекресток проблем? // Социс. 2013. № 12. С. 34.
- 6 См.: Попов М. Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России : общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2011.
 - 7 См.: Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups : Understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. № 28 (3). P. 631–658.
 - 8 Ibid.
 - 9 Ibid. P. 655.
 - 10 Авксентьев В. А., Шульга М. М. Указ. соч. С. 34.
 - 11 Данилов М. В. Модели политизации общественных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 80.

УДК 323.3

ОБ ОЦЕНКАХ ЛИДЕРСКО-ЭЛИТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. В. Понеделков, С. А. Воронцов

Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону
E-mail: ponedelkov@skags.ru; raven_serg@mail.ru

В статье рассматривается сущность лидерства в современной российской ситуации, опираясь на материалы социологического исследования анализируются некоторые характеристики лидерско-элитной составляющей современного российского политического управления на региональном уровне.

Ключевые слова: лидерство, власть, региональная элита, управленческая деятельность, политические процессы, социологическое исследование, профессионализм, компетентность.

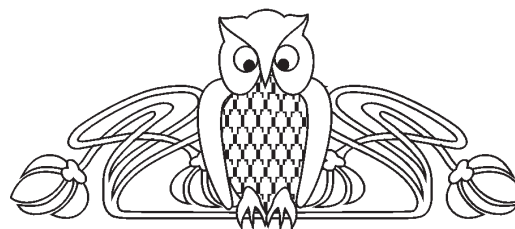
On Estimates of the Leadership Elite-constituent Authorities at the Regional Level

A. V. Ponedelkov, S. A. Vorontsov

The article considers the essence of leadership in the modern Russian situation, based on materials of sociological research analyzes some characteristics of leadership, the Russian political elite sostavlyayusheysovremennogo management at the regional level.

Key words: leadership, authority, regional elite, management activity, political processes, sociological research, professionalism, competence.

Глобальные изменения внешнего для Российской Федерации политического поля вызвали необходимость переосмысления сложившейся ситуации, что согласно своему статусу должна делать национальная политическая элита. Если в начале реформ 1990-х гг. российский истеблишмент, вобравший в себя партноменклатуру, теневиков и авантюристов, эксперты не решались назвать элитой¹, то за прошедшие два с половиной десятилетия произошла определенная смена состава федерального и региональных уровней

власти. Возникает ряд естественных вопросов:

- какова природа и содержание понятий «элита» и «лидерство»?
- что представляет собой новая политическая элита России?
- как оценивает население состав и деятельность современной политической элиты?

При исследовании названных сущностей будем исходить из общеизвестного толкования термина «элита», согласно которому элита это не только группа субъектов, обладающих властью, но прежде всего те, чьим жизненным кредо является служение национальным интересам, патриотизм, гражданственность, высокий интеллект, профессионализм, честь и достоинство. Часть из перечисленных качеств можно назвать идеализированными, но служение национальным интересам своей страны должно быть определяющим для тех, кто принимает государственные политические решения².

Качество элиты, ее зрелость, ответственность за страну оцениваются не инициативами и популистскими обещаниями лидеров, а направленностью их действий на благо людей, справедливостью, гуманностью, устойчивостью от поражения коррупцией, прозрачностью принимаемых решений, способностью учитывать и совмещать самые разные общественные интересы и запросы. Как отметил Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному собранию, «власть не должна быть изолированной кастой. Только в этом случае создается прочная моральная основа для созидания, для утверждения порядка и свободы, нравственности и гражданской солидарности, правды и справедливости, для национально ориентированного сознания»³.